

ДВОЙНАЯ ЗВЕЗДА

Свет от нее уже достиг зрителей Запада. Наша публика пока в ожидании...

Он пишет пьесы и прозу. Но прежде — он пишет картины.

На XV Молодежной выставке в Манеже в 85-м его работы висели... вплоть до открытия. За полчаса до начала вернисажа в зал вошла милиция, обрезали веревки, картины падали прямо на пол...

Спустя несколько лет западногерманский коллекционер и владелец картинной галереи в Эмдене Наннен, приобретая многие полотна Максима Кантора, выделил под них специальный зал. Выставки Максима Кантора путешествуют по миру. Путешествует по миру и он сам. Для города Кельна ему заказана скульптура «Инакомыслящий». Перед поездкой туда летом этого года он уже знал, какой она будет, но не делился. Сказал лишь, что нельзя не учитывать «Мыслителя» Родена, не отталиваться от него. Догадывалась, что это значит.

— Гарантированного художественного языка не существует. Это задним числом можно определить стиль, манеру. А в работе, когда берешь материал из-под ног, никто, кроме тебя, не понимает, что это художественный материал. Точно так же, как мрамор, пока из него не была вырублена Венера, был камнем, который лежал под ногами... Берешь что-то из будней, из грязи, и вопрос в том, чтобы это трансформировалось в искусство. Когда берется гарантированная художественная ценность — это всегда подозрительно. Это ненастоящее.

В Манеже висел (до открытия) «Тройной портрет». Знакомый восхитился смелостью художника: «Каких алкоголиков ты написал! Какие ублюдки!» Максим слушал и не знал, что ответить: на портрете были он, брат и отец.

Научилась угадывать их. Узнала в «Утреннем обходе» (те двое за открытой дверью, мимо которой, так жутко ступая, в острых ботинках, похожих на ножи, с кровавыми лицами и кровавыми руками, идут врачи в белых халатах, — образ сошедшего с ума мира, где все перевернуто, искажено, помнялось местами: норма и ненормальность, милосердие и жестокость). Узнала в «Кроссворде» (снова мир безумия). И в «Колонне» (где прямо на вас движется лагерьный поток).

— На самом деле я не иллюстрирую лагерь или больницу. Я беру их как социальную модель, в которой хочу найти место человеку. Мне кажется, у тех, кого я пишу, хорошие лица. Но они изуродованы чем-то. Преодолевают что-то в своем становлении. Проблема сегодняшнего искусства: пропало лицо...

— Это проблема жизни, что лицо пропало...

— Ну да, ну верно. В жизни, в политике, в искусстве девальвировался герой. Врали, врали, врали! Я вижу: идет человек и за плечами у него что-то. Но если за плечами у него ворох вранья, я не верю такому герою. Не верю герою пятилеток, герою книг, фильмов, картин. Сегодня не может быть гладкого, благополучного героя. И мои картины — рассказ о человеке, попавшем в данную ситуацию. В конце концов все они в какой-то мере автобиографичны.

Брат Максима — Владимир Кантор, писатель, доктор философских наук. Отец — Карл Кантор, кандидат философских наук. Проблема отцов и детей, как бы не существовавшая в Советском Союзе (равно как и другие проблемы), загонявшаяся внутрь и оттого особенно болезненная, в этом случае разрешилась на удивление просто.

— Отец был и остается учителем. Единственным учителем. Он воспитывал меня изумительно. Я хотел бы так же воспитывать своего сына и грешен, что не делаю этого. Он просто тратил свое время на нас с братом. Разговаривал, читал с нами книги, много философских. Я вообще думаю, что отношения отца и сына — это своего рода код культуры, особенно если вспомнить Новый и Ветхий завет, взаимоотношения Бога-отца и Бога-сына.

Максим знал, что станет пи-

сателем, с подросткового возраста. Отец сказал: таким писателем, каким ты хочешь быть, тут ты быть не сможешь, тебя не будут печатать, то есть стать им ты, конечно, можешь, но должен смириться с тем, что пишешь навсегда в стол. Тогда было решено, что он сделается художником, и это даст ему социальный статус. В 14 лет он пошел в частную студию. Потом поступил в полиграфический институт. Однако выяснилось, что рисует он тоже «не так», как и пишет. Тогда он решил, что официальный статус ему даст книжная иллюстрация. Когда стало известно, что он художник «андерграунда», ему перестали давать работу. После разгрома в Манеже Лев Табенкин, Алексей Сундуков, Андрей Цедрик, Александр Щербинин, Игорь Ганиковский и еще несколько молодых художников образовали «группу Кантора». Они нанимали грузовик и везли свои работы в институт философии, или институт имени Курчатова, или в какой-нибудь странный Дом культуры — туда, где их хотели видеть. Выставка продолжалась несколько часов, и несколько часов продолжались дискуссии, где выступали авторы, искусствоведы, ученые, просто любители. Слава «андерграунда» росла в подполье.

Максим не изменился. Не шел на компромиссы ради получения официальных заказов или денег. Изменилось время. Максим остался самим собой, наделенный тем внутренним благословенным чувством свободы, без которого нет настоящего художника.

Между прочим, его дед еще до Октябрьской революции попал в Европу, долго жил в Аргентине и писал пьесы. По-испански (его имя есть в испанской энциклопедии). Может быть, драматургия Максима записана в его генотипе?

— Одна из моих пьес, она называется «Черным по белому», в фантасмагорическом ключе предлагала структуру перемен, которую может породить советская мысль, — на примере Союза художников. Я позволил себе сатиру, выводя своих гомункулусов, и все угадал. Последовавший съезд Союза воспроизвел мою структуру с точностью.

Другая пьеса, «Под наркозом», на двоих, — о любви и нелюбви, о возможности и невозможности жить вместе. Эта вещь, полная резкого драматизма бытия, очень похожа на ее автора, с его системой размышлений.

В драматургии Максима Кантора — та же «воронка», которая втягивает вас, когда вы стоите перед его полотнами.

— «Воронка» — это, пожалуй, точно. Я как раз хочу, чтобы зритель оказался внутри, ведь он тоже участник этой тотальной модели и тоже должен выбрать: как ему быть и чем.

Как назвать художественную манеру Максима Кантора? Экспрессионизм, только в новейшем, советском, выражении? Куда, как он будет развиваться? Видела одну из его новых работ. Человеческие лики уступили место трем мусорным бакам на помойке, среди мусора клочки «Огонька» и других знаков времени. Над ними вьются черные птицы — птицы истории? Боже мой, какое трагическое видение будущего у этого молодого человека!

— Вы задаете вопрос: спасет ли искусство мир? Конечно же, нет. Оно и не должно спасать. Для примера можно сравнить с медициной: спасет ли она мир? Существует печальная, но и прекрасная безысходность в работе врача, который лечит, но понимает, что это не навсегда. Он знает лишь, что должен лечить. Есть константа его усилий, его личной деятельности. Искусство вечно. Потому что вечно разница между действительностью и идеалом.

Поток мировой славы, который поднял и несет Максима Кантора, — может быть, он докатится и до России, до Москвы?

Так уже бывало в нашей культуре.

О. КУЧКИНА.

